

Эфрон Константин Михайлович

В ДОЛИНЕ ПОЯВИЛИСЬ ПЯТЬ ТАНКОВ «ТИГР»

Я родился 12 мая 1921 года в г. Москве. Отец – профессор, мать – актриса, потом библиотекарь.

В 1939 г. окончил среднюю школу и поступил на биологический факультет Московского государственного университета им.М.В. Ломоносова.

О начале войны узнал? когда был студентом 2-го курса на практике в Воронежском государственном заповеднике. Возвращался с учебного задания – товарищи выбежали навстречу с криком: «Война, началась война!»

В армию был призван в Свердловске 15 сентября 1942 года и направлен в Таллинское военно-пехотное училище, которое было эвакуировано в г.Тюмень. В феврале 1943 года три батальона курсантов из пяти были направлены на фронт не окончив училища, так как немцы вторично взяли недавно освобожденный советскими войсками Харьков. Где-то недалеко от Балаклеи сопровождавшие офицеры из училища высадили нас из эшелона, накормили и стали передавать в часть, где мы должны были воевать (говорили, что это 18-я гв. дивизия).

В это время налетели немецкие самолеты, стали бомбить. Меня ранило в голову. Перевязали, а затем на «летучке» отправили в г. Балашов. Там меня положили в госпиталь, прооперировали, вынули осколок. Когда я

немного окреп, отправили в г. Курган на долечивание. За головное ранение мне дали месяц отпуска, который я провел в Москве. После отпуска, на формировочном пункте под ст. Апрелевка, меня направили в 89-ю отдельную роту контрразведки «Смерш».

В составе этого подразделения я пробыл до июня 1944 года, во время Курско-Орловской битвы и Проскуровско-Каменец-Подольской операции. Затем я был направлен в 49-ю мех.бригаду 6-го гв.мех. корпуса. В составе 1-го мотострелкового батальона этой бригады я участвовал в освобождении г.Львова и г.Зартина в Восточных Карпатах. Под Зартином я был ранен в обе ноги. Лежал в госпитале СЭТ-400 во Львове, а затем в другом госпитале. В середине сентября 1945 года медицинская комиссия дала мне инвалидность 3-й группы, и я был демобилизован.

Из военных событий остро запомнилось несколько дней тяжелых боев под г. Самбор. Я был тогда в 1-й роте мотострелкового батальона, ротой командовал заменивший предшествовавшего ему командира роты ст. лейтенанта Чернова лейтенант Михаил Карпенко. О нем и тогдашних действиях роты мне и хочется рассказать.

29 июля 6-й гвардейский механизированный корпус 4-й танковой армии, в составе которого была наша 49-я механизированная бригада, в соответствии с приказом командующего фронтом вышел в район г. Самбор и вступил в тяжелый бой с немецкими частями. Кроме немцев, нам противостояли части украинских националистов и владисовцев. Наш 1-й мотострелковый батальон, где я был рядовым бойцом-автоматчиком, наткнувшись на ожесточенное сопротивление противника, занял оборону на склоне одного из небольших холмов. Командный пункт батальона был в нескольких сотнях метров позади нас, на обратной стороне холма, за линией окопов взводов нашей роты. Перед нами была неглубокая долина, за ней – польская деревня. И мы, и немцы стремились захватить ее, но ни им, ни нам это окончательно не удавалось, деревня переходила из рук в руки.

Нашей ротой командовал лейтенант Михаил Карпенко, невысокий, крепко сбитый, решительный и быстрый офицер. Меня он взял к себе связным. Это была не очень приятная должность, так как моей обязанностью было разносить его приказы и донесения во взводы и в батальон по открытой местности. Единственным прикрытием была густая, но невысокая пшеница. Поэтому приходилось почти всегда ползать по-пластунски. Немцы нас прекрасно видели, – в деревне была высокая колокольня. Стоило высунуться из пшеницы – раздавался

выстрел, и где-то рядом ударяла в землю пуля, затем раздавалась пулеметная очередь, а иногда и орудийный выстрел. Снаряды тоже ложились недалеко.

Первое время была хорошая погода, а на второй или на третий день пошел мелкий дождь. Он довольно скоро промочил нас до нитки. Сначала мы жаловались на дождь, но через некоторое время поняли, что нам повезло. В долине появилось пять танков «тигр». Они ползали по долине, но на склон подняться не пробовали, может быть, боялись застрять в грязи. Понемногу стало темнеть, а когда стемнело совсем, в окопах началась работа, все взялись за постройку импровизированных «крыш» над своими щелями и укладывание мягкой подстилки на дно щели. Материалом была все та же пшеница. Принесли термосы с горячей пищей. Бойцы поели, угрелись, отжали гимнастерки, а затем ... заснули как убитые. Я тоже.

Сквозь глубокий сон я вдруг услышал крик: «Эфрон, Долежал!» Я еще не успел понять, в чем дело, как на меня прыгнул Карпенко и хватил сапогом в бок. Он тут же прыгнул в соседний окоп, сапогом разбудил Долежала, тоже его связного, чеха, бежавшего от немцев. И тут же мы слышали бешеную пальбу и крики атакующих: «Форвертс (немцы), «Слава!» (западные украинцы-националисты из дивизии СС «Галичина»)» и «Ура!» (власовцы). Поднятые Карпенко бойцы вскочили и, схватив оружие, побежали, никто не успел взять вещмешок, не до того было. Так мы неслись метров семьдесят, когда, то ли благодаря вспышкам выстрелов, то ли в свете немецких ракет, увидели очертания трех орудий. Не добежав до орудий метров 15, Карпенко скомандовал: «Ложись! Огонь по противнику!». Мы грохнулись на землю, раздалась отдельные очереди и выстрелы, но их сразу заглушил частый орудийный огонь. Не знаю, можно ли сказать про орудийный огонь «шквальный», но мне он запомнился именно так. Артиллеристы, надо думать, не спали так, как мы.

Огонь продолжался недолго, вероятно, минуты три-четыре. Когда пушки перестали стрелять, наступила тишина. Никаких немцев, никакой ночной атаки, так, редкая стрельба в разных местах, где-то далеко от нас. Карпенко поднял нас и повел к нашим окопам. Мы нашли в темноте свои мешки, залезли в свои уютные щели, но уже не спали. Заснули только под утро, выставив нескольких наблюдателей.

Утром лейтенант крикнул мне из своего окопа, чтобы я шел к нему. «Слушай, Эфрон, боеприпасов почти нет. Сползай, принеси. Нет ничего, ни автоматических патронов, ни винтовочных, ни гранат. Бери «эфки», бери все, бери сколько сможешь. Кроме тебя послать некого, сам знаешь». Он был прав, кроме двух-трех «стариков», солдаты были сплошь из пополнения, пришедшие перед наступлением на Львов. Это были главным образом

восемнадцатилетние (хорошо, если так) мальчишки из Сибири. Худые деревенские шкеты. Их называли «карандаши». Через три-четыре месяца из них могут получиться дельные бойцы, а пока ... Они и дорогу-то не найдут.

Я вынул все свои вещи из вещмешка, отдал их Долежалу и пополз. Где можно было идти, согнувшись, изредка прямо, шел, стараясь запомнить места. В батальон пришел быстро. Набил пачками автоматных патронов вещмешок, натолкал, туго затянув пояс и застегнув все пуговицы гимнастерки, сколько влезло гранат лимонок за пазуху, потом в брюки. Не помню, куда клал запалы – вероятно, в карманы брюк. Напоследок взял ящик винтовочных патронов, по старой памяти называемый «цинком». Взял за веревочную ручку. Кладовщик посмотрел на меня и покачал головой.

Даже просто идти было тяжело. Ползти по-пластунски невозможно – везде под гимнастеркой гранаты, только как-то на боку. Как добрался, сказать трудно, тем более что несколько раз показался немцам, привлек их внимание. Когда пришел, вернее приполз, связной сразу потащил принесенное в первый взвод. Взводов в роте три. Я вздохнул, передохнул и пошел снова. Второй раз идти было трудней. Устал. Как я дошел в третий раз, не помню. Помню только, что два или три раза вставал и шел по несколько шагов в рост. Повезло. Судьба.

Когда я лежал между нашими окопами, Карпенко высунулся и сказал: «Спасибо, Эфрон. Представлю к награде». Я промолчал. Уставная форма не лезла на язык.

Между тем погода прояснилась. Стало тепло, все повеселели, из щелей поднялись махорочные дымки, послышались разговоры. День становился все лучше и лучше, настроение тоже. Мы высовывали головы, смотрели на деревню, на видневшийся километрах в двух Самбор, там их два – Старый и Новый. Какой это был, не знаю до сих пор.

И вдруг на окраине города ударило несколько снарядов, потом еще и еще. Ясно было, что подошли стрелковые части, и началась артиллерийская подготовка перед штурмом. Обстрел был сильный. Ударила тяжелая артиллерия. По-видимому, били, зная куда бить, по данным разведки. Почти все головы высунулись. В этот момент между окопами, моим и Карпенко, рванула мина, один осколок ударил меня в левый висок. Я схватился за него, между пальцами потекла кровь. Правой рукой, не думая, схватился за правый висок, не насквозь ли? Это обычная реакция, хотя и глупая. Поняв это, я посмотрел на окоп Карпенко. Подполз к окопу. Тело Карпенко лежало на дне. Вместо головы кровавая масса.

После демобилизации я восстановился на биологическом факультете и окончил его в 1948 году. Затем работал зав. отделом биологии Московского общества испытателей природы при Московском университете. Оттуда ушел в 1979 году во ВНИИ стандартизации Госстандарта. В 1989 году меня пригласили в Государственный комитет охраны природы СССР, где я работал ученым секретарем Научно-технического совета Комитета. В 1992 году после ликвидации Госкомприроды СССР вышел на пенсию. Веду общественную работу в Совете ветеранов 4-й гвардейской танковой армии (член совета) и в Московском обществе испытателей природы – являюсь членом президиума совета общества и председателем секции «Охрана природы».

